

«Круглый стол Экспертиза»
**«Демографические проблемы в контексте модернизации
российского общества»**

Заведующая лабораторией анализа и
прогнозирования миграции Института
народно-хозяйственного
прогнозирования РАН
Ж.А.Зайончковская

ДОКЛАД

Миграционные проблемы не менее сложны, чем демографические. Миграция вообще – это рефлекторный процесс, быстрое проявление реакции общества на социальные изменения. Значительно более быстрое по сравнению с другими демографическими компонентами. Может быть (есть факты в подтверждение этого тезиса), миграция относится к процессу самых быстрых откликов социума на происходящие в жизни перемены. Более того, миграция – упреждающий социальный процесс. Каким-то образом люди чувствуют, что вскоре произойдут важные для них события. Так, статистика позволяет проследить, что уже за 2 месяца до этих событий начинают меняться миграционные потоки, их размеры и направления. Когда случается само событие, то мы уже имеем измененный тренд, определенно направленный.

Скорость миграционной рефлексии можно проиллюстрировать на примере кризиса 1998 года. Дефолт, как известно, случился в августе, но уже с июня стала увеличиваться эмиграция и стала сокращаться иммиграция. Ножницы внешних потоков достигли максимума примерно через 8-10 месяцев. Миграционный прирост России сократился вполтину за этот короткий срок. Прежний тренд восстановился через полтора года.

Думаю, что кризис, который начался в 2008 году, имеет похожую траекторию. Правительству удалось, хотя и несколько искусственными экономическими мерами, предотвратить дефолт, хотя ситуация была очень тяжелая. Поэтому этот кризис отразился на миграции не так сильно, как в 1998 г.

Кроме того, из-за изменений, которые произошли в учете как раз в период кризиса, мы не можем проследить трансформацию миграционных трендов. Формально ежемесячная статистика есть, но она включает несопоставимые категории мигрантов.

Какие я вижу миграционные риски?

Самый главный риск, как мне кажется, заключается в политической амбициозности, в отрицании эволюционных путей развития - в том числе и в миграции, в своего рода самонадеянности управляющих структур. Речь идет об уверенности в безграничных возможностях государства воздействовать на миграционные процессы. Это, к сожалению (или к счастью), не так.

Миграционные вызовы для России так или иначе связаны с современной и ожидаемой демографической ситуацией, более всего со стремительным сокращением трудоресурсного потенциала. Согласно среднему варианту прогноза Росстата за 2011-2030 г.г. трудовозрастной контингент в современных границах трудоспособности сократится на 11 млн. чел., при том что еще 4 млн. его естественных потерь предполагается возместить за счет миграции. Естественная убыль трудового потенциала страны, как ожидается, продолжится, по меньшей мере, до середины этого века.

При этом повышение пенсионного возраста не спасает положения: суммарная убыль трудового потенциала до конца нынешней четверти века, а также в последующей его четверти будет практически одинаковой при современных границах трудоспособности и при их расширении до 64 лет для мужчин и женщин. Следовательно, повышение пенсионного возраста может быть мотивировано дефицитом пенсионного фонда, но не запросом рынка труда. Эта мера не только не снимает, но даже не может смягчить проблему иммиграции.

В концепции миграционной политики, принятой в 2010 г., утверждается, что привлечение иностранных работников является необходимостью для обеспечения поступательного развития российской экономики. Казалось бы, тем самым поставлена точка в 20-летних спорах о том, нужны ли нам мигранты. В действительности вопрос продолжает дебатироваться, а публичное обсуждение вопросов миграции становится все более агрессивным. Так, большинство полемических телепередач уже не обходится без упреков и даже оскорблений в адрес мигрантов.

Иллюзию относительно возможностей дирижирования миграционными процессами лучше всего отражает получивший большую популярность постулат: нам необходимо привлекать мигрантов столько, сколько нам нужно, туда, куда нужно, и таких, которых мы хотим. Ни на один из этих вопросов не в состоянии ответить ни статистика, ни наука, поскольку у нас нет фотографии рынка труда. Мы хорошо знаем тот рынок труда, который ограничивается трудовыми книжками. Но мы не знаем, сколько занято на временных работах, на неоформленных работах, в индивидуальном предпринимательстве. Тут все очень подвижно, потому что работает вчерную, избегая налога, но охватывая очень широкий круг людей. Видимо, из-за этого родилась странная цифра, будто в России 35 миллионов (почти половина) трудоспособных неизвестно чем занимаются. Быть такого не может, цифра очень сильно преувеличена! Очевидно, была попытка определить нерациональную занятость, но тогда необходимо раскрыть методику того, как считали...

Как бы то ни было, тeneвая занятость, которая, бесспорно, очень широко распространена, статистически остается неизвестной. Что это за люди, чем заняты, как классифицируются, какие там есть резервы? Возникает иллюзия, что за счет тeneвой рабочей силы мы можем заткнуть демографическую яму (в которую мы уже вползли и в которой находимся в полной мере) посредством каких-то очень простых методов, а значит, обойтись собственными трудовыми ресурсами, без массового привлечения мигрантов.

В конечном итоге, такая логика рассуждений приводит к выводу, что мы в силах обеспечить экономический рост, невзирая на сокращение трудоресурсного потенциала.

И что нам тот факт, что среди развитых стран мира пока нет ни одного примера, когда бы экономический рост обеспечивался в условиях не то что сокращающейся, но даже стабильной занятости, несмотря на гораздо более высокую производительность труда в этих странах по сравнению с Россией! Нас это, похоже, не убеждает. Напротив, мы культивируем амбициозные представления об особости пути России, что позволит нам - если мы сядем и хорошо подумаем - придумать, как выйти из положения и обставить все страны.

Я, во-первых, уже переживала период, когда мы хотели всех обогнать за 20 лет. Я тогда была студенткой, и мы должны были знать программу построения

коммунизма за 20 лет - к 1980 году, и сдавать по ней экзамен. Увы, 20 лет давно прошли...

Во-вторых, Россия - все-таки «лыжник», который бежит не впереди других. И участок той лыжни, который уже прошли развитые страны, мы тоже должны пройти. Конечно, у каждой страны свои зигзаги, но, тем не менее, все лыжни идут в одном направлении, обозначая тем самым возможные модели развития. Модель успешного экономического развития при сжимающейся занятости пока в мире отсутствует. Иммиграция – именно тот фактор, который создает возможности для восходящего экономического развития в кризисной демографической ситуации.

Следующий вызов, на который хотелось бы обратить внимание, связан с модернизацией экономики, которая применительно к миграции часто трактуется как контрсредство. Вот типичное рассуждение: один современный станок способен заменить сотню-две рабочих. Во-первых, это так, если этот станок мы купили. Если же мы собираемся произвести его сами, создавая для этого необходимую производственную и проектную базы, экономия труда будет совсем не такая впечатляющая. Во-вторых, в нашей стране в промышленности занято около 20% работников (что, кстати, сравнимо с развитыми европейскими странами), тогда как 2/3 заняты в сфере услуг, где возможности модернизации ограничены. Если даже сократить долю занятых в промышленности в 2 раза (что стало бы сопоставимо с уровнем США), высвобожденных работников будет недостаточно для обеспечения развития других отраслей экономики.

Хотелось бы также отметить недостаточно глубокое понимание значения современной демографической ситуации для развития страны. Когда нет угля, нет нефти, все понимают, что надо экономить топливо. Но, когда физически недостаточно людей, работников, это, чаще всего, воспринимается неадекватно. Обычный ответ: надо больше платить. Это не только обывательская точка зрения - так думают и многие управленцы. Вместе с тем демографическое одеяло России такое тонкое, что, если мы натягиваем его в одном месте, в других образуются огромные бреши.

Похожий упрощенный взгляд на проблему характерен и для администраций Москвы и Санкт-Петербурга, которые намерены заменять иностранных работников российскими гражданами из окрестных областей. Вместе с тем столицы и так стремительно обескровливают Европейскую Россию в

демографическом отношении. По моим оценкам, в Москве уже работают около 1 млн. человек, большинство которых фактически здесь и проживают, де-юре являясь жителями других субъектов РФ. Зона влияния Москвы охватывает уже все волжские города. Намерения администраций противоречивы: с одной стороны, высказывается мнение о переполненности столиц мигрантами, об их чрезмерных темпах роста их численности, с другой – предпринимаются усилия по ускорению внутренней миграции – и Бог с ней, с периферией!

Серьезность демографической ситуации требует устойчивой и, как неоднократно подчеркивал Президент В.В.Путин, доброжелательной миграционной политики. Однако, нынешняя политика по отношению к мигрантам очень агрессивная и, главное, непоследовательная. Чуть-чуть отпустили вожжи во второй половине 2006-первой половине 2008 г.г., затем вновь ужесточили правила. Если политика движется в сторону жесткости, то это не значит, что уменьшается поток мигрантов – он меньше всего зависит от политиков и, конечно, в решающей степени – от экономики. Общее количество мигрантов в течение 2000-х годов, по оценкам разных экспертов, более-менее постоянно. Меняется только пропорция легитимной и нелегитимной составляющих потока. Эти колебания сильно сказываются на отношении населения к мигрантам.

Не могу не коснуться наболевшей проблемы о притоке в Россию неквалифицированной рабочей силы. Я не вижу здесь никакой угрозы, поскольку эта рабочая сила (в основном, таджики и узбеки) занята неквалифицированным трудом, доля которого в экономике страны, по утверждению ректора Высшей школы экономики Я.И.Кузьмина, близка к 50%. Кроме того, это общая специфика миграции. Принимающие страны привлекают иностранную рабочую силу, прежде всего, на самые неквалифицированные и непривлекательные работы, освобождая тем самым рабочие места более высокого квалификационного уровня для местной рабочей силы, что обеспечивает ей более высокие стартовые позиции на рынке труда. В современных условиях, когда иностранные работники составляют 7-8% численности занятых в экономике страны, неквалифицированные рабочие места в основном только и могут быть заняты мигрантами. Поэтому призывы отдавать предпочтение квалифицированным мигрантам перед не имеющими профессиональной подготовки надуманы – нужны и те, и другие.

Потребность в квалифицированных работниках, безусловно, крайне остра. Но с помощью миграционной селекции ее не решить. За квалифицированную рабочую силу Россия конкурирует с Европейским Союзом и США. В этой тройке стран Россия аутсайдер и реально она может рассчитывать на мигрантов из стран СНГ, Китая и Юго-Восточной Азии. Той квалифицированной рабочей силы, которую мы можем привлечь из Украины, Белоруссии, Армении, Молдавии, явно недостаточно. В Средней Азии ее практически нет. Нравится ли это нам или нет, а пора думать о том, чтобы обучать необходимым профессиям мигрантов.

В заключение - несколько слов об экономическом кризисе. Антикризисная программа правительства предусматривала преференции для местной рабочей силы и снижение в половину квот на наем иностранной рабочей силы, что помогло сбить ксенофобскую волну. Параллельно этим, широко освещаемым в СМИ мерам, без лишнего шума были введены патенты для мигрантов, разрешающие им работать у физических лиц. На самом деле, патентами воспользовались, главным образом, незаконные мигранты, работающие у юридических лиц. Механизм получения патентов очень простой. Иными словами, мигрантам, потерявшим прежнюю работу, и тем, кто не мог устроиться по квоте, была предоставлена возможность найти другую работу, оставаясь в правовом поле. Таким образом, правительство по умолчанию признало целесообразность присутствия мигрантов в стране. И действительно, они почти все предпочли переждать кризис в России, перебиваясь случайными заработками. Численность трудовых мигрантов сократилась в период кризиса на 15-20%, по разным оценкам. Мигрантские трансферты сократились сильнее. В Таджикистан, например, - на 30% в 2009 г. против 2008 г., по оценке Мирового банка, но они все же оставались выше уровня докризисного 2007 г. Это позволило Таджикистану удержаться в зоне экономического роста, иначе он не избежал бы дефолта. А Россия – новых стихийных потоков беженцев. Вместе с тем, двойственная политика правительства дезориентирует население и не может служить надежной основой для решения острых миграционных проблем. Миграция уже является одним из определяющих факторов развития России – как ее экономического роста, так и социальной стабильности. Задача миграционной политики – успевать за происходящими переменами. Пока это, к сожалению, плохо получается.